

Т Е Н Ь Л О Г О В А

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТЕНЬ ЛОГОВА»:**

Взгляд со дна

Шаги в пустоте

Сгоревшая жизнь

Части ее тела

Рикошет

Гибель вольтижера

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ГИБЕЛЬ
ВОЛЬТИЖЕРА**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Во внутреннем оформлении использована фотография:
© WildlifeWorld / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Гибель вольтижера / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199460-0

Как связана гибель воздушного гимнаста-вольтижера под куполом цирка и смерть старого олигарха? И есть ли связь вообще? На цирковом представлении случайно оказались следователь Артур Логов и его помощница Саша Каверина, которым предстоит распутать клубок нешуточных страстей. А заодно и многое понять о собственной жизни...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., текст, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199460-0

* * *

Тонким штрихом маленькое тело перечеркнуло шоссе. Задержав дыхание, Артур вдавил педаль тормоза, прежде чем разглядел, кто лежит на дороге. Успел остановиться в каком-то метре и выскочил из машины, ничего не объяснив.

Вдогонку рванулся изумленный Сашкин вопль:
— Ты куда?!

Не ответив, Артур склонился над крошечным трупиком. Норка. В закатных лучах шкурка красиво отливала шоколадным теплом, и, если б не застывшая в беззвучном вопле пасть, зверек выглядел бы совсем живым. В круглых глазах еще не погасли блестящие искорки.

— Похоже, только что сбили, — не поворачивая головы, сказал он Сашке, ахнувшей за его плечом.

Слева от него присел Никита, издал невнятный звук, который, видимо, выразил его сострадание погибшей норке. То, как эти двое окружили его, уже становилось привычным: в последнее время они превратились в неразлучников, как те птички, о которых Артур мечтал в детстве. Почему родите-

ли так и не решились завести их, он уже забыл... Зато помнилось, как с легким звоном отворялась дверь в зоомагазин, обустроенный в подвале соседнего дома, и Артур, которого только начали отпускать на прогулки без взрослых, попадал в волшебное царство.

Там птицы, рыбы, кролики, котята жили все вместе, не охотясь друг на друга и не подозревая о пищевой цепочке. Это место казалось ему колдовским, он неизменно ступал там на носочках и вытягивался изо всех сил перед клеткой, похожей на маленькую витую беседку, в которой обитали ожившие мазки тропического солнца — попугаи-неразлучники. Приоткрыв рот и едва дыша, чтобы не спугнуть, Артур смотрел, как они нежно прижимаются друг к другу, и слышал сипловатый голос африканской флейты, которой монотонно вторили шум водопада и загадочный шелест пальмовых листьев. Он грезил об этих птицах днем и ночью, он хотел их, как никого и ничего на свете...

Неразлучников купил кто-то другой. Когда Артур притащил маму за руку, клетку успели унести, и на него впервые обрушилось горе столь непоправимое, что не было сил даже плакать.

— Ничего, купим рыбок, — утешила мама.

— Они тупые, — пробормотал он.

Она сделала вид, будто не расслышала. А через какое-то время Артур смирился с мыслью, что в жизни часто приходится довольствоваться заменой: не тот велосипед, о котором мечтал, не та профессия, не та женщина... Ничего не поделаешь, лучше синица в руках.

ГИБЕЛЬ ВОЛЬТИЖЕРА

«Я получил своих солнечных неразлучников, — Артур скопил глаза сперва на Сашку, потом на Никиту. — Дождался. И та самая необыкновенная женщина все же была в моей жизни... Если б у Оксаны был шанс что-то сказать перед смертью, разве она не завещала бы мне свою дочь?»

Наклонившись, Саша выдохнула:

— Ох, как жалко... Такая красивая! Куда она торопилась?

— Может, у нее дети на той стороне остались? — Никита шмыгнул носом.

«Ага, подлей масла в огонь, — мысленно упрекнул Артур, покосившись на него. — Сейчас она еще и расплачется».

И чтобы этого не произошло, распорядился:

— Никита, тащи лопату. Сашка, выставь знак.

Сам он достал из кармана дверцы полотняные перчатки, натянул их и осторожно поднял легкое, теряющее тепло тельце. Норке уже невозможно было причинить еще большие страдания, но Артур все равно старался обращаться с ней бережно.

— Ты хочешь похоронить ее? — Сашка уже вернулась, установив на дороге треугольники — спереди и сзади от его «Ауди».

Чуть запыхалась, торопилась оградить их от наезда и теперь взволнованно дышала ртом. Совсем девчонка... Логов гнал прочь подозрения, что их отношения с Никитой стали куда ближе, чем ему хотелось бы. В конце концов, оба совершеннолетние, имеют право... Тем более внешне ребята соблюдают приличия: по-прежнему живут в разных комнатах, хоть Артур и не требует этого. Он им не отец, не надзиратель...

С досадой поморщившись от непрошенных мыслей, Логов процедил:

— А ты предлагаешь бросить в кювет?

— Нет, конечно! — ужаснулась она. — Что ты говоришь?!

— Вон там красивые заросли, — Артур указал на густые кусты с мелкими листьями, зарумянившимися от дыхания осени.

Их названия он не помнил, но мысль, что зверушка упокоится в месте, полном радостных красок, понравилась ему. Кивнув, Никита перебежал дорогу, придирчиво осмотрел кусты с разных сторон, выбрал место и принялся копать. Держа норку в раскрытых ладонях, Артур перешел к нему, чувствуя, как Сашка легонько сжимает его локоть, словно побаивается, как бы он не ускользнул вслед за зверьком.

«Ни за что, — подумал он. — Пока я тебе нужен...»

Выпрямившись, Никита сдул упавшие на глаза пушистые волосы:

— Хватит такой глубины?

— Ей много не нужно. Главное, чтобы псы не разрыли, — присев на корточки, Артур опустил обмякшее тельце в могилку. — Спи спокойно.

— Даже сейчас красивая...

Он снизу взглянул на Сашку: рот изогнулся подковкой, вот-вот заплачет. Любит животных, собак вон полон дом... На зиму они запланировали всех переселить под крышу и превратить гостиную в «собачью». Гостей у них все равно не бывает, некогда принимать. А настоящим друзьям не дело мерзнуть во дворе.

— Красивая, — согласился Артур и, сорвав большой, но уже вялый лопух, укрыл норку, чтобы не

испачкать шкурку. Потом перчаткой сгреб немного земли, разровнял и кивнул Никите, чтобы закапывал.

Шагнув назад, он смотрел, как вырастает рыхлый бугорок, и думал: «Я устал хоронить... Не хочу больше». Вся его работа была связана со смертью, но жертв тех убийств, которые Логов расследовал, он хотя бы не укладывал в могилу. Кроме одного, самого трудного дела, когда пришлось искать убийцу Оксаны... Тогда Сашка лишилась мамы, а он женщины, с которой мечтал прожить до старости.

С тех пор прошло полтора года... Неужели так много? Из чего сложились эти недели и месяцы? Нет, Артур знал: из ожидания пробуждения. Завтра он откроет глаза и увидит Оксану рядом... Светлые волосы разметались по подушке, в их золотистую паутину угодили сны. Не такие, какой разбудил его среди ночи: Артур привиделся себе тайным агентом, следившим за незнакомой женщиной в большом отеле. Ее лица сейчас уже не помнил, значит, ничего она не значила для него.

Сам он, видно, был так себе агентом, потому что женщина засекала его и выскочила из номера, помчалась за ним следом вниз по запасной лестнице. У него выскакивало сердце, но не от бега, а от паники: нельзя было допустить, чтоб она увидела его лицо и опознала при случае. Это провал... Поэтому Артур прыгал через ступени, опустив голову, и все время оставался на пару пролетов впереди, но дама не отставала, неслась за ним ночной фурией. А он думал о том, что у него развязаны шнурки, и в любой момент можно навернуться. Почему вообще он их развязал?

Внизу открылась дверь, вошла веселая компания мужчин, и в этот момент Артур проснулся. И, уже лежа с открытыми глазами, проиграл ситуацию дальше: он не стал бы выскакивать во двор, а смешался бы с вошедшими, быстро стянул светлый плащ и прошел бы мимо своей преследовательницы наверх как ни в чем не бывало... Пусть бегает вокруг отеля, ищет то, не знаю что!

От того, как явственно вспомнились ощущения, стало весело, хотя по большому счету Артур до сих пор не научился заново радоваться жизни. Сашке помог Никита, они и сейчас вон уже хихикают, обнявшись. Помолчали пять секунд над холмиком, укрывшим несчастную норку, и забыли... Счастливые люди!

Нет, Артур не завидовал им, он их любил. И понимал: даже если б Оксана выжила, им с ней все равно не под силу было бы стать такими вот беззаботными, двадцатилетними... Ну, плюс-минус.

«Это я наговариваю, — остановил он себя, усаживаясь за руль. — Уж Сашку-то беззаботной не назовешь. Ей такие мысли в голову приходят — мне не додуматься... А если с Никиткой она и превращается в девчонку, это ж счастье!»

У каждого в жизни должен быть человек, с которым можно, схватившись за руки, ускользнуть в детство. Хоть на пять минут. Чтобы снова заметить, как серебрится тонкая паутина между сосновыми иглами, каким бисером по утрам дрожат капли росы на опавших листьях, какой у осени свежий запах... Сейчас ему некогда замечать детали, не связанные с преступлениями. Артур едва удержался от

ГИБЕЛЬ ВОЛЬТИЖЕРА

вздоха, но ребята решили бы, что он оплакивает несчастную норку, и это могло бы рассмешить их. Сентиментальный сорокалетний старик...

Он все чаще чувствовал себя лишним, хотя раньше третьим в их маленькой команде считался Никита Ивашин. Поначалу Артур даже не думал, что этот парень со стеклянным глазом задержится в Следственном комитете, куда он пришел стажером, и уж тем более останется его помощником. Но «одуванчик», как Логов прозвал его в первый день, как-то вписался и стал незаменим настолько, что даже поселился с ними. Тогда «они» — это были Артур и Сашка. Не отец с дочерью... И даже официальным отчимом он стать не успел, но все равно они были родными людьми. А сейчас Логов чувствовал это лишь иногда... Никита выдавливал его? Или Артур сам придумывал несуществующее отторжение?

Он старался пореже задумываться об этом, иначе впору было собрать чемодан и вернуться в свою московскую квартиру из дома в дивном Образцово, где они устроили собачий приют. Монику забрал бы с собой, хотя вряд ли ей понравилось бы жить в четырех стенах после усадебной вольности. Но кто интересуется желаниями дворняг, решая их судьбу? Артур просто не смог бы оставить ее, если б решился уйти, она только-только начала доверять ему. Человеку вообще...

Моника не бросалась к нему с визгом, как остальные обитатели их семейного приюта, застенчиво стояла поодаль, ожидая, когда Артур выйдет из машины и подойдет к ней сам.

— Здравствуй, моя собака, — сказал он, присев перед ней, и взял в ладони рыжую морду.

Она часто задышала от радости, а глаза, забавно окаймленные черным, блаженно зажмурились. Погладив широкий лоб, Артур также негромко заверил:

— Я здесь, с тобой. Можешь не сомневаться: я всегда буду возвращаться к тебе. Всегда.

— И ко мне, — раздался позади Сашкин голос.

Она проговорила это совсем тихо, будто Никите не положено было слышать такие слова, хотя все трое знали, что они наполнены только дружбой и ничем другим. Но то, что Сашка вообще произнесла их, отозвалось в душе Артура таким ликованием, какое в детстве он испытывал в начале каникул: впереди бесконечное лето счастья! Рано или поздно оно заканчивалось, но в тот первый день в это совершенно не верилось.

— До тех пор, пока ты этого сама не расхочешь, — охваченный памятью ощущений, ответил Артур слегка по-детски.

Но Сашку это не смутило. Выражение лица у нее было таким серьезным и немного потрясенным, будто она открыла для себя нечто небывалое и не знала, как с этим обращаться. Когда она присела рядом, Артур подтолкнул ее локтем:

— Что?

— Черт, — выпалила она, глядя только на Монику. — Ты такой добрый! Как тебе удается оставаться таким, а? Столько лет в кровянице возишься...

— Это с чего ты взяла, что я добрый?

— Ну с чего! Другой проехал бы по этой бедной зверюшке и внимания не обратил бы... А некоторые еще специально стараются на сбитую кошку колесом угодить — послушать, как хрустнет. Им это в кайф!

ГИБЕЛЬ ВОЛЬТИЖЕРА

— Но мы же не такие?

Стараясь не думать о том, что Никита смотрит на них, он обхватил Сашку за плечи и слегка покачался с нею вместе. Она всхлипнула:

— А ты похоронил ее... Артур, ты такой классный! Я тебе все испортила...

— Чем?! — изумился он. — Что ты испортила?

— С Женей. Ой, только не делай вид, что ты ее не помнишь!

— Помню. Только не понимаю...

— Ты мог влюбиться в нее. Если б я не влезла тогда! Вот же дура...

Артур стиснул ее посильнее и убрал руку:

— Перестань. У нас с ней все равно ничего не вышло бы. Она ведь ждет своего мужа и любит его. Даже если на миг забыла об этом... Но у них сын, он всегда будет напоминать ей о своем отце. Так что... Мгновенное наваждение не стоит целой жизни. С кем не случается?

— Со мной постоянно, — хмыкнула Саша и встала, легко опершись о его плечо.

Логов скосил глаза:

— А это?

— Посмотрим, — она усмехнулась.

«Такая усмешка ничего хорошего одноглазому не сулит», — подумал Артур. И ему впервые за последние недели стало жалко Ивашина...

* * *

Ароматов цирка он давно уже не замечал. Улавливал, конечно, просто не обращал внимания. Они стали атмосферой привычного, давно обжи-

того мира. Его смешили обсуждения на форумах, посвященных цирку, где самые восторженные писали, будто цирк пахнет детством и волшебством, сладкой ватой и мандаринами, а циники бурчали: «Дерьмом там воняет...» И то и другое было одинаково нелепо, как любая крайность в реальности, сотканной из компромиссов.

А цирк для него не был ни храмом волшебства, ни гигантским сортиром для животных. Это было место работы, где все пахали так, как многим за его пределами и не снилось. И если уж определять запах цирка, для него здесь пахло потом... На самом деле больше образно, конечно, ведь все артисты заглушали его дезодорантами, но если б Мишу Венгра спросили об этом пресловутом аромате, ответил бы он именно так.

Конкретно для него это был пот, источаемый его телом во время бесконечных репетиций: чтобы совершить тройное сальто, нужно усилие каждой мышцы отточить до автоматизма. Но не только... Вжимаясь в чужое тело уже не на тренировке, а тайком от других — всегда украдкой! — Михаил источал пот наслаждения, выплескивал страсть, в тенета которой готов был заманивать всех без разбора. Знала бы та, что считала себя его единственной, как ошибается!

Стоило вспомнить о ней, и по мышцам растекалась слабость. Но вовсе не от возбуждения. Уже несколько дней Михаила Венгровского преследовал страх, и от его ледяного дыхания обмякали ноги. А это было плохо... Непозволительно! Он ведь сам убедил гимнастов работать под куполом без страховки, и давать обратный ход было непо-

зволительно, ведь они не сомневались, что Венгр не боится абсолютно ничего. И причина этого кроется не в том, что ему двадцать лет и мозги еще не выросли... Миша не казался дураком даже завистникам, и дело было вовсе не в его юности.

Он уже родился бесстрашным и мог поспорить даже с всемогущим отцом, которого боялись, кажется, все на свете. Особенно его старшие брат с сестрой — до дрожи! И это не фигура речи: забыть, как тряслись мокрые от слез губки сестры, наказанной за сущую ерунду (в этом Миша не сомневался!), не удавалось и через полтора десятка лет. Ярослава дергала и крутила свои пальчики, точно хотела вырвать их и болью заглушить ужас.

Такой она и представлялась Мише сейчас — с культяпками вместо рук, хотя никто в ее окружении этого не замечал... Но никто и не любил Ярославу так, как младший брат. Впрочем, этого Михаил не знал наверняка, ведь они не общались уже... Сколько? Два? Три года? Сестра ни разу не изъявила желания побывать на его выступлении, хотя в голове Венгр всегда держал: «А вдруг сегодня она среди зрителей? Пришла тайком...» И работал как в последний раз, чтобы та маленькая девочка забыла свой страх и захлопала в ладоши.

Старший, Андрей, никогда ни во что не вмешивался и ни разу на его памяти не возразил отцу. Но Миша родился, когда брату было уже тринадцать, и, возможно, свои трясущиеся пальцы он вырвал гораздо раньше.

Теперь их реальность не пересекалась с Мишиной ни в одной точке, и это устраивало всех. Особенно Бориса Всеволодовича Венгровского...

Андрей-то ладно, но и Ярослава предпочла забыть, как черноглазый малыш топал на отца, сжав кулачки, и вопил на весь дом:

— Не обизай мою сестленку!

Осталось ли в ней что-то от той светловолосой девочки, которая ночами первой вскакивала, если Мише снился страшный сон, и сидела на краешке его постели, похлопывая по одеялу?

Их мама тогда уже слегла и больше не встала, он совсем не помнил ее. Для него главной любовью детства стала сестра, и только фотографию Ярославы изо всех имевшихся семейных снимков Михаил сохранил в телефоне. Ее лунный голос наполнял прохладную детскую колыбельными, сложенными целые века назад. Откуда сестра знала их? Или они пришли к ней вместе с именем, за которым тянулась великая история? Миша кутался в эти звуки, в отжившие словечки, и ему становилось теплее. Сны тихо светились звездочками...

Баю-баюшки-баю,
 Не ложися на краю —
 Придет серенький волчок
 И ухватит за бочок...

Несколько раз Миша порывался удалить фотографию Ярославы, ведь, по сути, его сестры больше не было на свете. Исчезла в тот момент, когда приняла сторону отца и отреклась от непокорного младшего брата, посмеявшего шагнуть за своим призванием. И все же он продолжал надеяться, что однажды все вернется: темная комната, наполненная ее серебристым голосом, теплая ладонь, поглаживающая спутан-

ные волосы... В его возрасте уже можно было найти человека, способного заменить сестру, но Миша не хотел этого. Хоть и понимал, что Ярослав оставалась его уязвимым местом, слабостью, которую сын Венгровского не должен был себе позволять.

Как обязан был справиться и с холодным дуновением страха, в последние дни начинавшего скользить сзади по шее, как только Михаил переступал порог цирка. Он пытался убежать от него, обмануть — заходил не со служебного входа, как обычно, а с центрального, точно зритель. Но в полутемных коридорах его опять настигало ледяное дыхание ужаса...

Несколько раз он резко оборачивался, но ни разу так и не удалось заметить того, кто следил за ним. Существовал ли этот Черный Человек? Или все изменения происходили в его собственном мозгу, породившем чудовищ? Самым неприятным казалось то, что Миша Венгр, как значился он в программке, не мог выудить из памяти, когда впервые возник этот необъяснимый страх? Что его спровоцировало?

Если б удалось вспомнить причину, возможно, удалось бы справиться с тем, как внезапно слабели ноги, начинали подрагивать пальцы, а это, в свою очередь, оборачивалось уже вполне реальными опасениями: что, если тело откажет в самый неподходящий момент — во время выступления? На репетициях гимнасты натягивали страховочную сетку, падение не могло стать смертельным. Вчера он сорвался на обычном парном грече¹ — упражне-

¹ Грече — гимнастическое упражнение, которое выполняется в парной работе гимнастов на рамке с перехватом руками в верхней точке взлета.

нии, которое выполняли с Маратом Курбашевым уже сотни раз...

— О чем ты думаешь? — вскипел Марат. — Твоя вина!

— А я и не спорю, — пробормотал Миша. — Лажанулся, больше не повторится.

Свесившись с трапеции, второй вольтижер Лена Шилова махнула смуглой рукой:

— Эй, может, заменить тебя?

— Ни фиги, — буркнул он. — Я в порядке.

— Смотри...

Ловитор¹ Гена Стасовский безжалостно напомнил, глядя на него сверху:

— А вчера элементарный бамбук² завалил. Это уж вообще ни в какие ворота!

— Младенец справится, — поддакнул Марат.

Лена вступилась:

— Он и есть младенец. Сколько мы на манеже, сколько он!

— Не надо меня защищать, — огрызнулся Венгр.

— Да и хрен с тобой, — безразлично откликнулась Лена. — Выживай сам.

Опять встрял Марат:

— Дергаешься много. Случилось чего?

¹ Л о в и т о р — участник гимнастического номера, который в висячем положении на подколенках на короткой трапеции или рамке (ловиторке) принимает (ловит) партнера, перелетающего к нему с трапеции или с турника.

² Б а м б у к — снаряд для воздушной гимнастики, представляющий собой металлический шест длиной 3–4 метра, подвешиваемый вертикально, на котором упражнения выполняются двумя гимнастами. Название снаряда от известного растения, толстый ствол которого когда-то использовался в Японии и Китае для изготовления першей, трапеций.

ГИБЕЛЬ ВОЛЬТИЖЕРА

— Нет, — отрезал Миша. — Я же сказал: все в норме. Поехали.

Никто из гимнастов не догадывался, что это его последняя репетиция.

Или кто-то уже знал наверняка?

* * *

Ты уходишь... Но мы же увидимся, верно?
Девять месяцев — срок ожидания, знакомый
до боли...

Завтра осень задернет тяжелым и серым
Наше небо, в котором вчера мы парили с тобою.

Позвонишь? Нет, конечно. Прости, я все знаю.
Напиши мне слезами дождя на окне пару строчек...
Заучу наизусть. Прошепчу улетающим стаям,
Чтоб вернули тебя. Я жду. Очень-очень.

Полужизнь. Без цикад вечерами и радуг...
Без малины с куста и без птичьей сумятицы утром...
Без котов, что взирают с высокой ограды...
Без ромашек, которые мальчики дарят кому-то...

Погодать бы! Но мне лишь тебя не хватает.
В моем мире для счастья есть все, а я снова
тоскую...

Лето, лето мое! Можно мне с птичьей стаей?
Нет? Я знаю. Ну что же... Мы перезимуем.

Эти стихи сами собой родились в последний день лета — тридцать первого августа. Внезапно нахлынули прощальным дождем, еще теплым, но

уже соленым от слез. Все позади... И уже не поваляешься под деревом с собаками, которые только и ждут, чтобы вбуравиться мордой тебе в бок, подкинуть носом, лихорадочно вылизать лицо. В снегу они тоже не прочь искупаться, только где он, тот снег? Даже зимой дожди и слякоть... Собаки мои, как же нам жить теперь?

И уже не скинешь кроссовки, чтобы походить по мягкой, прохладной траве, сразу снимающей усталость ног. И пестрые скворцы, которые так радуют глаз, скоро улетят, их солнечные крапинки не совместимы с увяданием природы. Пока она еще держится из последних сил, как молодящаяся актриса, и уныние дождей не смыло яркий грим, но серость уже наползает, и скоро для меня станет сродни подвигу просто открыть глаза утром.

Но, может, я еще смогу придумывать истории и находить нужные слова? Ведь в шуме дождя есть свой завораживающий ритм. Тогда жизнь не потеряет смысл...

Я все собиралась прочесть новые стихи Никите, но откладывала до похода в цирк — билеты он купил еще недели три назад. Мне виделось, как мы с ним медленно бредем по красноватой кленовой дорожке, он греет в большой ладони мои пальцы, которые вечно мерзнут, а я рассказываю рифмованными строчками о том, за что так люблю короткое время года, уже ускользнувшее от нас.

Этим летом мне уже стало легче дышать: мамина смерть больше не давила черной тучей, а плыла за мной светлым, прозрачным облаком. Растаять совсем ему не суждено, я знаю это наверняка, так